

Первый Новый год после своего переселения Цяо Си был так занят, что едва касался ногами земли.

В тот день он встал особенно рано и вытащил из постели Цэньэра. Затем он вручил каждому по метле и приказал вымести каждый закоулок внутренней комнаты и двора, внутри и снаружи.

«Ни пылинки не должно остаться. Это называется «выметать старое, чтобы встретить новое». Иначе в Новом году удачи не видать! Понял?» — сказал он.

Цэньэр послушно кивнул, сжимая древко метлы, которое было выше его самого, и весело потопал чистить курятник. Для него подметать землю мало чем отличалось от игры.

Шэнь Игуан, напротив, был гораздо более усердным. Он был сильным и высоким, и легко управлялся с труднодоступными щелями на крыше и в углах. В мгновение ока он привел убогий домик Цяо Си в состояние чистоты и порядка.

Цяо Си был полностью доволен, без колебаний показал ему большой палец вверх. «Неплохо! Сегодня в обед тебе полагается лишняя полмиски риса и еще один кусок свиного грудинки!»

Ободренный похвалой, Шэнь Игуан работал еще усерднее. Он схватил ведро с водой и пошел мыть дверь, полный неиссякаемой энергии.

Втроем они разделили работу и весело занимались своим маленьким хозяйством, суетливо и оживленно. Не успели оглянуться, как наступил канун Нового года.

Цэньэр тихонько подкрался и, заговорщицки наклонившись, прошептал на ухо Цяо Си: «Сигэ, я скажу тебе секрет! На самом деле сегодня день рождения дяди!»

Цяо Си нахмурился. «Сегодня?»

Затем он вспомнил, что Шэнь Саньлан упоминал ранее, что примерно через два месяца он достигнет совершеннолетия. Сроки действительно совпадали.

Люди в древности, кажется, придавали большое значение церемониям совершеннолетия. Для мальчиков проводили обряд в двадцать лет, для девочек — в пятнадцать. Это было похоже на то, как современные родители заботятся о том, чтобы их дети достигли совершеннолетия в восемнадцать лет.

«Почему ты не сказал раньше?» — Цяо Си щелкнул Цэньэра по голове — не слишком сильно, но и не слишком слабо.

Цэньэр потер голову и пробормотал: «Раньше я нечасто видел дядю, вот и забыл!»

После завтрака Цяо Си принялся месить тесто и нарезать начинку, чтобы приготовить пельмени. Он специально натер несколько медных монет до блеска, затем прокипятил их для дезинфекции, прежде чем позвать дядю и племянника сесть вместе.

«В нашем доме дармоедов не держат — если хотите есть, придется приложить усилия», — сказал он, разминая тесто, пока оно не стало белым и мягким. «К тому же, пельмени весело лепить только всем вместе».

Затем он указал на сверкающие медные монеты в миске и улыбнулся. «Вот несколько чистых

монет. Я собираюсь завернуть их в пельмени позже. Тот, кому попадет такая, будет удачлив весь этот год!»

«Я хочу! Я хочу!» — глаза Цэньэра загорелись. «Там, во дво... дома, я каждый год находил одну!»

Цяо Си оскалился в улыбке. «Правда? Тогда все в твоих руках.

Затем он раздал каждому раскатанные им обертки для пельменей и позволил им лепить как захочется. «Главное, чтобы начинка была внутри. Мне всё равно, какой формы пельмени вы сделаете

Цяо Си давно уже всё понял — эти двое, должно быть, раньше жили в крайней роскоши и достатке. Их пальцы никогда даже родниковой воды не касались, они понятия не имели, как делаются домашние дела. Ему приходилось учить их всему с нуля, и он, конечно, не ожидал, что они слепят приличные пельмени.

В конце концов, форма пельменей была не важна. Лишь бы на вкус были хороши — и довольно. Цяо Си было всё равно, что они там сотворят. Важно было, чтобы они делали это сами. Он не собирался играть роль безропотного мученика, бегать туда-сюда, пока остальные сидят сложа руки, словно барчуки, наслаждаясь плодами его трудов.

Как и ожидалось, как только он закончил говорить, и Шэнь Саньлан, и Цэньэр заинтересовались. Они держали мягкие обертки, разглядывая их так и этак, затем с готовностью склонили головы и принялись усердно работать, полностью раскрывая свое воображение.

Слишком много воображения.

Вскоре стол был заставлен уродливыми и неопишимо трагичными «пельменями». Цяо Си не мог найти ни одного, который можно было бы похвалить с серьезным лицом. В отличие от них, стопка, которую сделал он, выглядела особенно аккуратно и изящно.

Втроем они болтали во дворе за работой, и, на удивление, это не казалось скучным или утомительным. Не успели они опомниться, как налепили целую гору пельменей.

Глядя на стол, полный белых пельменей, Цэньэр преисполнился гордости. Надув живот, он смело заявил: «Сегодня вечером я съем три миски!»

Цяо Си не стал его дразнить за то, что у него глаза разбегаются. Он попросил Шэнь Игуана убрать остатки начинки, затем развернулся и ушел на кухню, занявшись чем-то другим.

Шэнь Игуан послушно сидел за столом. Ему не хотелось раскатывать каждую обертку по отдельности, поэтому он просто расплющил все тесто и запихнул всю начинку сразу, сделал огромные пельмени размером с кулак, полностью набитые доверху.

Глядя на свою работу, он был очень доволен.

Какой смысл есть маленькие пельмени? Прежде чем успеешь почувствовать вкус, они уже исчезли. Паровые булочки гораздо приятнее есть. И их быстрее готовить — разве это не здорово?

Как и следовало ожидать, Цяо Си разозлился на его ленивый подход и гонялся за ним по двору

с метлой, заставляя Цэньэра хохотать до упаду.

В суматохе, среди летающих кур и лающих собак, наконец сварилась большая кастрюля пельменей. Цяо Си отобрал несколько более-менее приличных на вид и наполнил ими короб для еды до краев, сказав: «Я выйду ненадолго. Ждите меня дома».

«Куда ты?» — растерянно спросил Шэнь Игуан. «Скоро стемнеет».

Цяо Си стряхнул муку с головы и поспешно ответил: «Отнесу еды Циньгэ».

С этими словами, не дожидаясь новых вопросов от Шэнь Игуана, он уже вышел за дверь.

На улице ветер был сильным — совсем не то, что во дворике Цяо Си, окруженного стенами, которые сохраняли тепло. Он невольно поежился, плотнее закутался в куртку и, опустив голову, зашагал быстрее с коробом в руках.

Дядя Цинь жил на дальнем восточном конце деревни. Цяо Си был там всего один раз. Это была очень маленькая деревянная хижина, окруженная простым бамбуковым забором вместо двора. В доме практически ничего не было — гораздо беднее, чем даже убогое жилище Цяо Си.

Он подумал о том, как в каждом доме было шумно и празднично, а дядя Цинь совсем один и не умеет готовить. Наверное, он голодает. Благодарный за то, как Циньгэ заботился о нем, Цяо Си всегда помнил об этом. Именно поэтому он приготовил лишнюю начинку, чтобы принести ее ему.

У дома дяди Циня даже ворот не было. Цяо Си вошел прямо во двор и постучал в маленькую деревянную дверь.

Через мгновение дядя Цинь открыл, сонный, с растрепанными волосами — явно пролежал в постели весь день.

Увидев, кто это, он расплылся в улыбке. «Это Сяо Цяо?»

«Что-то случилось?»

Цяо Си поднял короб для еды. «Я налепил слишком много пельменей и не смог доест, вот и принес тебе немного».

«Ого!» — дядя Цинь рассмеялся еще шире. «Откуда ты знал, что я голоден?»

«Заходи, поговорим. На улице холодно».

Он отступил в сторону, пропуская его. Цяо Си не стал отказываться и вошел с коробом в руках.

Дядя Цинь плотно закрыл за ним дверь, отсекая холодный ветер. Дом внутри был таким же захлавленным, как и представлял себе Цяо Си.

Цяо Си поставил короб на стол, открыл его и достал большую тарелку пельменей, вылив приготовленный уксус.

Учуяв аромат, дядя Цинь сел, улыбаясь. Откуда-то он достал пару палочек для еды, подхватил пухлый пельмень и без церемоний отправил его в рот, одобрительно кивая. «Как и ожидалось, только ты обо мне помнишь!»

«Кстати, даже до того, как ты потерял память, ты часто приносил мне еду. Ты говорил, что я тоже один на Новый год, как и ты, и мы можем составить друг другу компанию».

«Но тогда твоя стряпня была далеко не такой хорошей. Еда, которую ты готовил тогда, была действительно...»

Дядя Цинь говорил и вздыхал, не переставая жевать и проглатывая пельмени. Он действительно сильно проголодался.

В доме был только один табурет. Цяо Си побродил вокруг и, заметив длинный меч, висящий на стене, с любопытством спросил: «Так ты умеешь обращаться с мечом?»

«Это все в прошлом», — сказал дядя Цинь, не поднимая головы, продолжая поглощать пельмени, и шутливо добавил: «В молодости я немного учился боевым искусствам и бродил по стране, создавая проблемы. Состарился, нажил слишком много врагов — вот и пришел сюда залечь на дно».

Цяо Си спросил: «Можно мне посмотреть? Я никогда не видел настоящего меча».

Дядя Цинь помахал палочками. «Смотри сколько хочешь. Только не мешай мне есть пельмени».

Получив разрешение, Цяо Си осторожно перешагнул через хлам и снял меч со стены.

Он не ожидал, что он будет таким тяжелым, несмотря на свой изящный вид. Боясь уронить его, он держал его обеими руками и подошел к окну, используя свет снаружи, чтобы рассмотреть черные ножи. Он заметил выцветшую кисточку, все еще висевшую на рукояти.

Так круто!

Цяо Си восхищался снова и снова. После нескольких попыток ему наконец удалось вытащить клинок из ножен. Комната словно мгновенно посветлела. Лезвие было отполировано до блеска, такого ясного, что в нем отражалось лицо Цяо Си. Края были острыми как бритва — тонкими, как крылья цикады.

Как раз когда он собрался с любопытством прикоснуться к нему, дядя Цинь спокойно сказал: «Не надо. Порежешь руку».

Цяо Си удивился: «Ты видишь меня, даже когда сидишь спиной?»

Дядя Цинь молча улыбнулся.

Не говоря уже о том, чтобы сидеть спиной — он мог видеть и слышать всё, что делает и говорит Цяо Си, даже с расстояния в десять метров. Боец без такого мастерства долго бы не продержался в мире Цзянху.

Цяо Си был человеком, который прислушивался к советам, поэтому он больше не предпринимал безрассудных попыток. Вскоре он обнаружил кое-что еще.

«Хм? Здесь выгравирован иероглиф... «Цянь»?»

«Цинь Цянь... это твое имя?»

Палочки дяди Циня замерли. Действительно, прошло очень много времени с тех пор, как кто-

либо называл его так.

Он долго не отвечал. Цяо Си обернулся. «Циньгэ?»

Цинь Цянь очнулся и мягко сказал: «Уже темнеет. Тебе пора возвращаться, иначе потом дорога будет трудной. Я вымою тарелку и верну ее тебе в другой день».

Оба были взрослыми. Как мог Цяо Си не уловить намек на то, что его провожают? Понимая, что, возможно, затронул что-то неприятное, он немедленно опустил меч и повернулся, чтобы уйти. «Хорошо, тогда я пошел!»

Как только его рука коснулась дверной ручки, дядя Цинь внезапно сказал:

«Сяо Цяо... спасибо, что вспомнил обо мне».

«Пельмени были вкусные».

Цяо Си смутно почувствовал, что когда дядя Цинь произнес слова «Сяо Цяо», его голос был очень мягким — полным извилин, бесконечного сожаления и оттенка тоскливой печали.

Он подумал, что у дяди Циня, должно быть, есть своя история. Но у Цяо Си было мало интереса к чужому прошлому. Он добрался до дома затемно.

Свечи в доме уже горели. Шэнь Игуан и Цэньэр сидели по углам стола, тихо ожидая его.

На столе стояли дымящиеся пельмени. Перед ними сидели два живых человека. Снаружи выл холодный ветер, но внутри его маленького дома было тепло, как весной.

В тот момент Цяо Си было трудно описать свои чувства.

Возможно, он просто слишком долго был один. Прошло много лет с тех пор, как он проводил Новый год с кем-то. Хотя те двое за его столом не были ни семьей, ни близкими друзьями...

Цяо Си слегка улыбнулся и подбежал к дому.

Так было хорошо. Очень хорошо.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17973/1728853>